

через которую мы сможем получить «слепок» этнической и политической ситуации в Дунайском левобережье. Подобная задача на материале трактата «О постройках» ни разу не ставилась во всей доступной нам литературе, несмотря на то значение, которое придается в историографии любому, самому скудному и косвенному, сведению о ранних славянах, несмотря на изученность трудов Прокопия.

Разобьем все нанесенные на карту пункты на пять групп: в I группе собраны крепости, возведенные Юстинианом на пустом месте; во II группе окажутся самые разнородные пункты: города и крепости, поднятые из руин и отстроенные заново, одиночные башни, расширенные до ранга укреплений, крепости, опоясанные новыми стенами и получившие статус городов; в III группу входят укрепления, которые были при Юстиниане лишь отреставрированы, но не перестроены; IV группа включает фортификации, фигурирующие в письменных источниках II—VI вв., но не упоминаемые Прокопием и, следовательно, не укрепленные Юстинианом; наконец, в V группу объединены руины, не отождествленные по письменным источникам, т. е. та «разница», которая получается при вычитании из числа археологически обнаруженных крепостей общего числа крепостей, зафиксированных письменно. Ясно, что укрепления, принадлежащие к разным группам, различаются прежде всего по степени угрожаемости защищенных ими участков границы. Это различие можно было бы выразить даже количественно, сознавая, конечно, всю условность подобной оценки. Если, скажем, из двух соседних крепостей одинакового размера первая была усилена при Юстиниане, а вторая оставлена в небрежении (при том, что обе фигурируют в других источниках на равных), то мы будем считать, что на одну ожидали нападений, а на другую нет. Для наглядности передадим эту простейшую разницу, присвоив первой крепости (III группа) «2 балла опасности», а второй (IV группа) — соответственно «—2». Исходя из этого пункты V группы получают оценку «—1 балл»: ведь если данный пункт не упомянут в источниках, значит, он был или давно заброшен, или несущественно мал; очевидно, что его превращение в обороноспособную крепость потребовало бы больших усилий, чем ремонт крепости, уже существующей. Соответственно, тот факт, что Юстиниан *не* вел на этом месте строительства, является для нас менее значимым с точки зрения оценки безопасности данного участка.

Крепости II группы требовали для своего восстановления значительно больших затрат, чем обычный ремонт укреплений III группы. Если правительство, тем не менее, шло на них, значит, обороняемый отрезок границы находился под угрозой — фортификации III группы получают «3 балла опасности».

Но о максимальной угрозе сигнализируют, разумеется, укрепления I группы. Раз византийские стратеги сочли необходимым возводить крепость там, где ее раньше не было, следовательно, обстановка в этом месте Подунавья резко изменилась даже по сравнению с V в. (временем создания «*Notitia Dignitatum*»). I группе мы присваиваем «4 балла опасности». Дополнительный балл получают укрепления, расположенные на левом берегу Дуная, — это была как бы чужая территория, и охрана расположенных на ней форпостов требовала больших затрат.

Но не проще ли было бы вместо всей этой сложной искусственной системы просто-напросто вычислить плотность крепостей, отреставрированных Юстинианом на разных участках? Конечно, так было бы проще, если бы природная среда вокруг каждой крепости была одинакова. Тогда разница в плотности застройки в чистом виде выражала бы разницу в безопасности. Но на самом деле естественные условия одних участков границы делали их труднодоступными и без дополнительного укрепления, другие, наоборот, в таком виде нуждались. Но и это было бы полбеды, если бы природное окружение в VI в. было таким же, как сейчас; однако с тех пор многое изменилось. Ранневизантийское время приходится на период так называемой «дакийской трансгрессии», когда уровень Дуная